

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Britain 400-600: Language and history / Ed. by Bammesberger A. and Wollman A. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1990. 485 p.

Работы участников симпозиума в Айштатте (ФРГ), вошедшие в рецензируемый сборник, распределены по трем главам. В первой главе (с. 17—93) анализируются вопросы археологии, истории и культуры "темных веков" британской истории. Две следующие главы, рассматриваемые в данной рецензии, — "Предыстория кельтских языков Британии" (с. 97—304) и "Предыстория древнеанглийского языка" (с. 307—465) — посвящены собственно лингвистическим проблемам.

Предметом анализа статей, помещенных во второй части сборника, является история общebritтского языкового развития до возникновения так называемых новобриттских языков — архаических валлийского, корнского и бретонского. Интерес к этому периоду истории кельтских языков не случаен. Открытые за последнее двадцатилетие новые кельтиберские и галльские надписи показали, что еще в первых веках нашей эры эти языки разделяли черты, общие для всех древних индоевропейских языков, таких, как, например, латынь или греческий. Прошедшая в эпоху "темных веков" британской истории коренная перестройка языковой системы изменила облик языка настолько, что для объяснения новообразований многим исследователям приходилось обращаться к теории субстратного влияния. Таким образом, с учетом достижений в изучении континентальных кельтских языков, с одной стороны, и новых открытий в истории новокельтских языков — с другой, важнейшей задачей представляется выявление процессов, происходивших в кельтских языках Британии и Ирландии в I—IV вв. н.э., т.е. установление "фактора X", превратившего, например, ирландский или бретонский языки в то, чем они стали уже к VII—VIII вв. [1]. Эти вопросы и обсуждаются на страницах работ, вошедших во вторую часть сборника.

Рассматриваемые статьи отличаются друг

от друга и по цели написания, и по масштабу. Так, три работы (В. Мейда, К.Х. Шмидта и Д.Э. Эванса) представляют собой своеобразные аналитические обзоры имеющегося материала по истории общebritтского языка. Часть статей посвящена более конкретным вопросам — исторической фонологии (Дж. Кук, П.-И. Ламбер), и морфологии (Ст. Циммер, А. Алквист). В исследовании П. Симс-Уильямса рассматриваются вопросы перехода от общего новобриттскому языковому состоянию. Несмотря на многообразие тем и различия в подходах, эти работы представляют нечто целое. Фактически перед нами предварительные материалы к исторической грамматике общebritтского языка. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть общую концепцию (безусловно, с учетом расхождений) становления новобриттских языков, представленную участниками симпозиума.

Со времен опубликования монументального труда К. Джексона [2], создавшего историческую фонологию общebritтского языка на основании данных топонимики, ономастики и косвенных свидетельств "темных веков", прошло уже почти сорок лет. Однако несмотря на значительные достижения в этой области за последние десятилетия, эта работа остается настольной книгой любого бриттониста, своеобразной точкой отсчета для позднейших построений. Не являются исключением и работы участников симпозиума. Символично и то, что название сборника практически дословно повторяет название книги К. Джексона.

Основными вопросами развития бриттских языков, как отмечает К.Х. Шмидт, являются (1) датировка возникновения новобриттских языков, (2) установление причин структурных изменений в общebritтском и (3) установление относительной скорости лингвистических изменений (с. 134).

Традиционно (см. [2]), выделяются два

периода предыстории новобриттских языков — ранний (до 450 г.) и поздний (450—550 гг.). К.Х. Шмидт предлагает свою модификацию этой модели, выделяя два этапа раннего общебриттского — доримский (до 43 г.) и римский (до 450 г. н.э.) (с. 126). Действительно, латинское влияние на развитие бриттского языка было значительным и отразилось в морфологии, лексике и, возможно, в синтаксисе (см. [3, с. 204, 216]). Поэтому, с одной стороны, выделение римского этапа кажется логичным и обоснованным. Однако практически полное отсутствие информации о развитии бриттского языка до этого периода делает эту новую периодизацию весьма уязвимой.

Согласно концепции К. Джексона, распад позднебриттского привел к образованию архаических новобриттских языков. В этом отношении крайне важным является определение критериев отличий. Так, К. Джексон в качестве этих критериев выделяет потерю конечных слогов и синкопу [2, с. 5, 691]. П. Симс-Уильямс добавляет к ним два важных дополнительных критерия — появление глухих спирантов (бритт. **broccos* "барсук", валл. *broch*) и так называемую новую количественную систему гласных, при которой долгота гласной становится позиционно обусловленной (с. 213—219). Так как основой выделения этих критериев является, с точки зрения автора, их роль маркеров, отличающих новобриттские языки от древних, вероятно, к ним стоит добавить и леницию [4]. Традиционно эти изменения датируются концом V — началом VI в. Работы участников симпозиума позволяют подвергнуть эту периодизацию сомнению.

Относительная хронология в работе К. Джексона основана на внутренней логике лингвистических изменений. В ряде случаев традиционные аргументы подвергаются критике. Так, П. Симс-Уильямс предполагает, что новая система гласных долгот могла возникнуть ранее спирализации (с. 219). Абсолютная хронология в работе К. Джексона зависит от абсолютной хронологии взаимодействовавших с бриттским языков и датировки источников. В этом отношении, вероятно, наиболее важной поправкой является разделяемая П. Симс-Уильямсом датировка основного современного для общебриттского периода латинского источника — *De Excidio Britanniae* Гильдаса — 500—560 гг., а не 540 г., как предполагал К. Джексон (с. 225). (Этот вопрос рассматривается и в первой части сборника в статье М. Херрена.) Не менее важным является и соотнесение жизни Св. Патрика с более ранним периодом, т.е. 350—430 гг.

(Дж. Кук, с. 179 и сл.). Значение этой периодизации заключается в том, что такие явления древнеирландского языка, как спирализация согласных в интервокальном положении, умлаут, апокопа и сокращения долгих гласных, могут быть датированы периодом до 400 г.

Проблема хронологии миссии Св. Патрика тесно связана с вопросами собственно бриттского развития, в частности, с таким сложным морфонологическим явлением, как лениция (ослабление артикуляции согласных в интервокальном положении) рассматривается в работе К. Джексона как одновременно протекающий процесс в обеих группах языков — гойдельской и бриттской. Согласно его схеме, в островных языках лениция проходила в два этапа. На первой стадии, в общекельтском, сложилась система противопоставления согласных по силе/слабости. На втором этапе, во второй половине V в., слабые глухие смычные в гойдельском перешли в спиранты, а в бриттском — в звонкие смычные, слабые звонкие смычные перешли в обеих группах языков в звонкие спиранты. В двух работах участников симпозиума — Дж. Кука и П. Симс-Уильямса — предпринимается попытка по-иному взглянуть на этот процесс.

Концепция Дж. Кука, являющаяся модификацией конструкта А. Мартине [5], предлагает следующую схему. На первом этапе проходит "древнекельтская лениция", при которой смычные развились в сильные аллофоны в анлауте и слабые в интервокальной позиции. Вторым этапом является спирализация в позднем архаичном древнеирландском. Автор предполагает, что озвончение глухих бриттских смычных произошло позднее традиционно приписываемого этому процессу времени и основано на постапокопном/синкопном распределении гласных и согласных (с. 198—202). Конструкт П. Симс-Уильямса состоит из трех стадий: 1) "первая спирализация" звонких смычных (необязательно одновременно в ирландском и бриттском); 2) озвончение глухих смычных в бриттском и 3) "вторая спирализация" глухих смычных в ирландском (с. 232—236). Представленные концепции, несмотря на различия, в том числе и методологические (Дж. Кук основывается на эмпирических данных, П. Симс-Уильямс — на внутренней логике звуковых изменений и большом фактическом материале), достаточно близки. В обеих высказываются "еретичные для бриттологов" (П. Симс-Уильямс) идеи о (1) хронологическом разделении гойдельской и бриттской лениции и о (2) лениции в брит-

тском как двухфазовом процессе. О судьбе этих безусловно революционных гипотез говорить сложно. Дальнейшее изучение вопроса, основанное на разумном синтезе этих двух концепций, может привести к значительным сдвигам в понимании лениции как процесса. Хочется надеяться, что они привлекут внимание кельтологов и не забудутся, как забылась оригинальная концепция порядка слов валлийского предложения Х. Пильха, которая даже не упоминается в части обзора Д.Э. Эванса, посвященной синтаксису (с. 166—172).

Авторы сборника весьма критически отнеслись к теории К. Джексона об изменении общебриттской языковой системы как следствию исторических катаклизмов и исчезновения лингвистически консервативного класса общества. Как справедливо отмечает К.Х. Шмидт, эта концепция, сама по себе слабодоказуемая, становится еще менее убедительной, если принять во внимание тот факт, что датируемые приблизительно этим же временем изменения в ирландском прошли без влияния каких-либо исторических факторов, сопоставимых с англосаксонской оккупацией Британии. Автор считает, что сопоставительный анализ фонетических изменений в ирландском и бриттском может дать много нового для понимания этих процессов (с. 137, 138). Однако этому должен предшествовать критический анализ имеющегося древнейшего ирландского материала. Указанным вопросам посвящена статья Й. Гипперта, в которой излагаются обоснования нового издания корпуса огамических надписей. Идею важности гойдельских свидетельств для бриттской реконструкции подчеркивает и А. Алквист (с. 289). Рассматривая систему галльских форм в имперфекте, автор отмечает, что в истории ирландского языка был период, в течение которого сосуществовали перифрастические и синтетические глагольные структуры. За этим периодом последовал процесс унификации (с. 287, 290). Данные изменения хронологически совпадают с процессами потери окончаний, синкопы и апокопы, т.е. теми явлениями, которые так сильно изменили систему ирландского языка.

Вопросы морфологии поднимаются и в статье Ст. Циммера. Автор предполагает, что анализ латинских заимствований эпохи "темных веков" на уровне морфологии более показателен, нежели анализ изолированных лексических заимствований (с. 265). В работе рассматриваются заимствованные в бриттский язык латинские суффиксы, распределенные по следующим группам: 1) заимствованные суффиксы без кельтских эквивалентов, 2) заимствованные суффиксы,

совпавшие с кельтскими и 3) кельтские суффиксы, продуктивность которых возросла после заимствования соответствующих латинских форм. В исследовании в большей степени освещены суффиксы первой группы. Стоит отметить, что в ряде случаев возможна и иная интерпретация предложенного автором материала. Так, можно предположить, что продуктивность валл. *-awd(w)r* (из лат. *-atorem*) в большой степени поддерживалась существованием валлийских сложных слов на *-wr* (< *gwr* "человек"). Это подтверждается и образованием множественного числа у подобных слов по аналогии с этими сложными словами (*-awdwyр, gwyр*), о чем упоминает и сам автор. Поэтому безоговорочное соотношение валл. *nomina agentis* на *-awd(w)r* с первой группой кажется несколько некорректным. Вызывает вопросы и выбор критерия для дистрибуции материала между второй и третьей группами.

Большинство участников симпозиума отметило скудость прямых источников для реконструкции бриттского языкового развития. Скептически оцениваются и лингвистические данные древнейших форм новобриттских языков (Д.Э. Эванс, с. 163—168). Все это заставляет исследователей искать дополнительный материал для исторических построений. Таким материалом могут послужить данные архаичной валлийской поэзии (Д.Э. Эванс, с. 166; К.Х. Шмидт, с. 136). Именно на основе сочетания этих данных (после значительной филологической обработки) с материалом древнейших новобриттских текстов возможно создание грамматики архаического валлийского языка [3, с. 211]. Важно также и использование показаний континентальных кельтских языков, особенно галльского. По мнению К.Х. Шмидта, наступило время для создания (по крайней мере, частично) галлобриттской грамматики (с. 139).

Так когда же все-таки появились новобриттские языки? Как отмечает в своем обзоре Д.Э. Эванс, кельтологи не считают необходимым или возможным установить точно датируемое время их возникновения. Джексоновский "быстрый распад древнего языка" является иллюзией. Поэтому методологически важным представляется выделение додиалектной формы новобриттских языков — архаического общего новобриттского (Дж. Кук) или *Lingua Brittanica* (Л. Флерио). Анализ лингвистического материала показывает, что начало распада общебриттского может быть датировано ранним V в., и этот процесс мог завершиться уже к началу VI (П. Симс-Уильямс, с. 248; Д.Э. Эванс, с. 175).

Представленные в сборнике статьи по кельтологии показывают, что бриттонистика достигла нового уровня зрелости. Многое в истории британского языка еще остается непонятным; многие лингвистические выкладки кажутся спорными. Но можно с удовлетворением отметить, что кельтология сделала еще один шаг вперед к пониманию процессов, так преобразивших островные кельтские языки, к установлению "фактора X", так повлиявшего на их развитие.

В отличие от второй главы сборника, где статьи объединены общностью проблематики, сообщения, представленные в третьей главе, посвящены различным аспектам предистории английского языка. В них обсуждаются такие вопросы, как состав германских племен, переселившихся в Британию, взаимодействие древнеанглийских диалектов, условия проникновения в древнеанглийский язык ранних латинских заимствований, а также проблемы англосаксонской рунической письменности.

Ревизия всего комплекса данных (литературных, археологических, топонимических, лингвистических), которые используются при оценке степени участия фризгов в завоевании Британии, позволила Р. Бреммеру младшему по-новому подойти к традиционной проблеме. Вслед за другими исследователями [6, с. 498—507] он отмечает недостаточность сведений о существовании фризского королевства в Британии, приводимых в сочинении Прокопия — единственным источнике, где рассказывается о судьбе этих германцев после их переселения с континента. Современные археологические изыскания, по мнению Бреммера, ставят под сомнение исключительно англо-фризское происхождение керамики и гребней определенного типа, которые были обнаружены на островах. Поскольку в настоящее время эти предметы находят по обе стороны Северного моря, они могут свидетельствовать лишь о ведущей роли Фризии в культурном мире северо-западной области германского ареала. Анализ топонимических данных (топонимов с элементом *-ing-*, а также с первым компонентом *Fris-*) позволил Бреммеру утверждать, что нет достаточных оснований для традиционного положения о многочисленности фризгов-переселенцев.

Особое место в рассматриваемой системе доказательств занимают лингвистические аргументы. Исходя из гипотезы об англо-фризском языковом единстве, основанной на большом количестве (> 40) фонетических и морфологических параллелей между этими языками [7], многие ученые полагают, что английский и фризский — это две боковые

ветви общего языкового ствола [8, 6, 9]. Отсюда легко прийти к выводу об общности исторических судеб носителей данных языков. Бреммер, однако, разделяет современную точку зрения, согласно которой фризский являлся последним языком ингвеонской группы, противостоявшим инновациям, исходившим из франкских культурных центров. Если английский язык оказался не затронутым этими инновациями из-за своего островного положения, то фризский смог сохранить консервативные черты потому, что его носители были защищены от внутренних областей континента обширными болотистыми пространствами.

В целом Бреммер склоняется к выводу, что доля участия фризгов в переселении германских племен на Британские острова была не большей, чем доля швабов и тюрингов. Свою концепцию он подкрепляет историческими соображениями. Известно, что после переселения германцев в Британию Фризия расширила сферу своего влияния на континенте, но это было бы невозможно при массовом исходе ее обитателей. Археологические раскопки показывают, что население Фризии в V—VI вв. оставалось стабильным, а возможно, и увеличилось. Последующая экспансия континентальных фризгов привела к колонизации многих областей и, в частности, островов на севере, поэтому встречающееся в литературе утверждение, что фризцы пришли в Британию из северной Фризии, лишено основания.

Актуальность поднятого Э. Зебольдом вопроса об идентификации ютского и его связи с кентским не подлежит сомнению вследствие сложности и недостаточной разработанности проблемы взаимодействия древнеанглийских диалектов.

Согласно традиции, восходящей к "Церковной истории" Бэды, юты участвовали в завоевании Британии наряду с англами и саксами. Впоследствии англус стали основными носителями нортумбрийского и мерсийского диалектов, саксы — уэссекского, а ютов обычно связывают с кентским диалектом. По мнению Зебольда, установление такой связи возможно лишь при допущении, что Кент был государством ютов, которое он, исходя из анализа письменных источников, считает ложным. Юты действительно составляли значительную племенную группу, обитали наряду с другими племенами в Кенте, Хэмпшире и на о. Уайт, но самостоятельного королевства у них не было (другую точку зрения см. [10—11]).

Языковые данные не позволяют также отождествить кентский с относительно самостоятельным ютским диалектом. Иденти-

фикация кентского в отличие от уэссекского и англских диалектов затруднена. Несмотря на обилие текстов из Кента они неоднородны по характеру представленных в них языковых форм — ранние тексты обнаруживают большое сходство с англскими источниками, поздние — с уэссекскими. Зебольд объясняет своеобразие кентского тем, что изначально он представлял собой мерсийский диалект, который использовал в значительной степени формы и лексику ютского, а позднее приспособился к уэссекскому узусу. Устойчивость исконной ютской лексики проявляется в том, что в кентских текстах можно найти слова и обороты, отклоняющиеся от уэссекской нормы. Данные особенности кентской лексики объясняются тем, что, согласно традиционной точке зрения, на континенте англй располагались между саксами и ютами. Ютский был, таким образом, самым северным западногерманским языком и в условиях диалектного континуума обладал тесными связями с северогерманским, оказавшим заметное влияние на его лексику.

Подводя итоги, Зебольд определяет ютский как исконный язык ютов на юге Англии, взаимодействие которого с мерсийским и уэссекским нашло отражение в специфических особенностях лексики кентских текстов. Вместе с тем чисто кентского диалекта, по его мнению, не было. Различались три диалектные разновидности: 1) кентский мерсийский, т.е. мерсийский, который употребляется в Кенте, 2) кентский уэссекский и 3) ютский кентский, который в наибольшей степени соответствует нашему представлению о кентском.

В статье А. Вольмана предметом исследования послужили слова латинского происхождения, которые, согласно традиции, восходящей к трудам А. Погатчера [12], были освоены германцами в V—VI вв. в Британии и составляет поэтому "островной" слой латинских заимствований.

В качестве основного критерия при выделении данных лексем Погатчер принял отражение в них фонетических изменений, характерных для вульгарной латыни: озвончение взрывных в интервокальной позиции, снижение /i/ > /e/ и /u/ > /o/. Однако при датировке указанных процессов он опирался не на показания латыни и романских языков, а увязывал эти изменения с культурно-историческими и лингвогеографическими факторами, имевшими отношение к развитию древнеанглийского языка. В частности, абсолютная хронология вхождения анализируемых слов в язык древних германцев определялась относительно двух исторических событий: начало заселения

Британии англосаксами (450 г. н.э.) и начало ее христианизации (кон. VI в.). Соответственно основанием для заключения о заимствовании слова до или после 450 г. служит наличие/отсутствие у него параллелей в других западноевропейских языках.

Таким образом, переселение англосаксов трактовалось не как длительный процесс, а как точечное событие (450 г.), которое сопровождалось разрывом связей с континентом и полной изоляцией Британии. Но в таком случае непрерывным условием заимствования анализируемых слов должно было быть существование романизованных кельтов, с которыми англосаксы вступали в языковые контакты.

На основе самостоятельного исследования данной группы заимствованных слов Вольман подверг резкой критике концепцию Погатчера, особенно ее методологический аспект. Он показал несостоятельность разграничения латинских заимствований древнейшего периода в английском языке на "островной" и континентальный слои, поскольку границы между ними зыбки и местом заимствований многих из этих слов оказываются в конечном счете северо-западные области континента и Галлия. Некоторые древнеанглийские слова латинского происхождения, вошедшие в язык в V—VI вв., позволяют говорить о сохранении достаточно тесных связей Британии с континентом, поскольку северо-западные области континента сохраняли для германцев большое значение как в культурном, так и в экономическом отношении. Еще до принятия христианства, например, англосаксы усвоили многочисленные названия деревьев и растений, что было обусловлено развитием монастырского садоводства и медицины: др.-англ. *peru* "груша", *finugi* "фенхель", *rûde* "рута", *croh* "крокус". Широко представлена в древнеанглийском и северо-французская топонимика: *Bunne* "Булонь", *Sunne* "Сомма", *Sigen* "Сена".

В связи с критическим анализом концепции Погатчера и несостоятельностью выдвинутого им деления латинских заимствований в английском языке Вольман предложил использовать принятое А. Кэмпбеллом разграничение таких заимствований на ранние и поздние [13].

Вместе с тем очевидно, что плодотворное исследование данного разряда древнеанглийской лексики требует изучения всего фонда ранних латинских заимствований в других западногерманских языках. Расширение круга языков, на материале которых были бы подвергнуты анализу эти заимствования, несомненно, способствовало бы освещению лингвогеографических

аспектов проблемы их хронологии. В частности, можно было бы сделать выводы хронологического порядка, исходя из наличия слов латинского происхождения в маргинальных языках — кельтских, германских, баскском, албанском.

Проблемы англосаксонской рунической письменности затрагиваются в нескольких сообщениях. Остановившаяся на характеристике языка германских племен после завоевания Британии, Х. Эйхнер указывает на то значение, которое имеют ранние англосаксонские рунические надписи (до 650 г.) для изучения истории английского языка. Анализ немногочисленных надписей, взятых из работы Р. Пэйджа [14], показывает, что благодаря архаическим особенностям этих надписей при их фонологической интерпретации появляется реальная возможность дополнительной проверки положений исторической фонетики, полученных путем реконструкции. В целом, по мнению Х. Эйхнера, обращение к руническим источникам, изучение засвидетельствованных в них форм на уровне морфологии, словообразования и синтаксиса позволяет расширить временные границы при изучении английского языка, проследить некоторые черты в его развитии в период, не засвидетельствованный письменными памятниками на латинской основе.

Значительную научную ценность представляет проведенное Дж. Хайнсом описание всех найденных в последние годы в Англии рунических надписей, относящихся к V, VI и нач. VII в. Эти надписи публиковались в различных изданиях, но теперь благодаря усилиям Хайнса они стали доступны исследователям и вводятся таким образом в широкий научный оборот. Материал в статье распределен по трем категориям: 1) разборчивые (*legible*) надписи (общее их число — 11), 2) неразборчивые (*illegible*) надписи (4) и 3) отдельные руны или знаки, похожие на руны (6). Автор приводит все надписи, сопровождая их исчерпывающей библиографией и археологическими комментариями (состояние надписи, существующие разночтения и их обоснование, место находки, временная атрибуция, импортное или местное изделие).

Определенный вклад в изучение англосаксонской рунической письменности вносит А. Баммесбергер, предлагая свою интер-

претацию лингвистических проблем, связанных с идентификацией рун на золотой монете, попавшей в Британский музей из коллекции Георга III. Считая эту надпись именем собственным (в транслитерации *SKANOMODU*), автор подробно обсуждает три основные проблемы: 1) морфологический статус конечного *-u*, 2) идентификация гласного в первом компоненте слова и 3) интерпретация соединительного гласного.

Р. Дероле предпринял оригинальную и смелую попытку применить системный подход при интерпретации англосаксонских рунических надписей. На базе двух рядов англосаксонских рун, засвидетельствованных в разных источниках, был реконструирован прототип 28-значного футарка. Его сопоставление с древнейшим общегерманским 24-значным футарком продемонстрировало характер их преемственности. Неизменными остались 19 из первоначальных 24 рун, модификации остальных пяти не всегда были радикальными. Вслед за Л. Виммером [15] Дероле полагает, что реформа, которая привела к созданию специфических англосаксонских рун, была вызвана прежде всего фонологическими изменениями, затронувшими названия некоторых рун. Определенную роль сыграло здесь и графемное правило исходной системы, где долгие и краткие гласные фонемы обозначались одной руной. Рассматривая реформу как своего рода цепную реакцию, при которой каждый последующий шаг влечет за собой еще более глубокие изменения, Дероле дает свое объяснение механизма данного явления. На основе сопоставительного анализа новых англосаксонских рун в сохранившихся надписях исследователь приходит к заключению, что первая руническая реформа имела место до переселения англосаксов в Британию, а последняя, обусловленная фонемным напряжением между велярными и палатализованными заднеязычными фонемами, произошла уже на островах.

Подводя итоги, необходимо отметить, что публикация рецензируемого сборника, несомненно, является значительным событием для специалистов в области кельтских языков. Помещенные в сборнике исследования будут способствовать дальнейшему углубленному изучению поднятых в них проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Королев А.А. "Новое мышление" и кельтология // Язык и культура кельтов. М., 1988. С. 12.
2. Jackson K. Language and history in Early Britain. Edinburgh, 1953.
3. Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
4. Williams I. The beginnings of Welsh poetry. Cardiff, 1980. P. 5.
5. Martinet A. Celtic lenition and Western Romance consonants // Language. 1952. V. 28.
6. Thompson E.A. Procopius on Brittia and Britania // Classical quarterly. 1980. V. 30.
7. Nielsen H.F. Old English, Old Frisian and Germanic // Philologia Frisia Anno 1984. Ljouwert, 1986. № 661. P. 173.
8. Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971.
9. Bremmer R.H.Jr. Old English — Old Frisian: The relationship reviewed // Philologia Frisia Anno 1981. Ljouwert, 1982. № 618. P. 79—81.
10. Маковский М.М. Этнонимика Англии в сравнительно-историческом освещении // Этнонимы. М., 1970.
11. Маковский М.М. Сравнительно-историческая диалектография английской лексики: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1969.
12. Pogatscher A. Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnwörter im Altenglischen // Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. 1888. Bd 64.
13. Campbell A. Old English grammar. Oxford, 1959. P. 200, 214.
14. Page R.I. Introduction to English runes. L., 1973. P. 26—27.
15. Wimmer L. Die Runenschrift. 2-te Aufl. B., 1887. S. 33, 194—200.

Фалилеев А.И., Сизова И.А.

Кумыхов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

Многолетняя работа М.А. Кумахова по сравнительно-историческому изучению адыгских языков увенчалась созданием двух обобщающих монографий — Сравнительно-исторической фонетики адыгских (черкесских) языков" (М., 1981) и "Сравнительно-исторической грамматики адыгских (черкесских) языков" (М., 1989). Эти труды представляют собой первый опыт реализации предложенной адыговедом программы внедрения в западнокавказское сравнительно-историческое языкознание принципа относительной хронологии, мыслимой как установление древности языковых явлений не через их вневременное и внепространственное разграничение на архаизмы и инновации, а путем их отнесения к определенному праязыковому состоянию — общеадыгскому, адыгско-убыхскому, общеабхазскому, западнокавказскому. Такое понимание релятивной хронологии очень важно для сравнительно-исторического освоения западнокавказских языков, которые не имеют давних письменных традиций и поэтому не могут быть исследованы традиционным (филологическим) методом.

В рецензируемой монографии М.А. Кумахова анализируются грамматические особенности общеадыгского языка, их отношение к более ранним историческим перио-

дам, а также вопросы развития грамматики в период после распада общеадыгского языка. Реконструкция состояний общеадыгского языка и более древних его лингвистических предков дается в рамках относительной хронологии.

При разработке сравнительно-исторической морфологии в центре внимания исследователя оказались вопросы структуры общеадыгского корня и грамматической категории классов. Существуют разные теории общеадыгского корня, из которых наибольшее распространение получили а) теория Н.Ф. Яковлева о первичности односложных открытых корней и б) теория Г.В. Рогава о вторичности односложных открытых корней, возникших от более сложных образований типа "классный префикс + корень + детерминативный суффикс".

С точки зрения М.А. Кумахова, эти теории являются статическими, не учитывающими различий между разными хронологическими уровнями.

Касательно строения общеадыгского корня М.А. Кумахов исходит из динамической теории реконструкции, согласно которой корень или основа как единица онтологического уровня подвергается преобразованиям, что исключает существование только